

КОНЦЕРТЫ

В БЗК

Оркестр Евгения Светланова закончил московский сезон в Большом зале консерватории. Последний абонементный концерт с красивым названием «Еще один уголок Франции» прошел в переполненном, на редкость оживленном зале. Оживление вызвали музыка, авторы, вдохновение Е. Светланова и оркестр.

УГОЛОК НЕ ТОЛЬКО БЕЛОГО СВЕТА

Концерт имел «шапку» «К 30-летию руководства Госоркестром». Ведущая Анна Чехова, как всегда, мастерски просклоняла фамилию дирижера в праздничных падежах. Конечно, «юбилать» (выражение старых профессоров) его будут еще на все лады. Главный спонсор оркестра Народный банк даже вывесил подсвеченные рекламные портреты маэстро в переходах метро. Хотелось бы и нам присоединить голос к общему хору поздравлений, отнеся к Евгению Светланову прекрасные слова: «Искусство есть вечная война, в нем нет конца, а есть одно непрерывное начало».

Программа началась с хореографической поэмы Пола Дюка «Пэри» (первое исполнение в России). Она чрезвычайно понравилась новым слушателям, которые «влились» в Большой зал в последние годы, конечно, на самые классные концерты. Чутье у них, признаться, свежее. А грамотеи, многолетние консерваторцы, самая умная и верная публика, по которой тоскуют наши музыканты, колесящие по свету, насладились не только изысканными французскими мелодиями, но больше — нежным

звуковым пространством, созданным огромной машиной. Как в рассказе Куприна слон с маленькой девочкой ел в комнате с тонкого блюда — простите за сравнение, так и эта громадина — внушительные струнные, дерево, медь, ударные выткали вместе на удивление тонкую узорную ткань, в которой просвечивала каждая маленькая мелодия и был прозрачен каждый аккорд. «Иберил» Дебюсси, шедшая вторым номером, пленяла больше деталями, а «Пэри» — целым.

Симфоническую сюиту Дебюсси «Иберил» (II часть цикла «Образы»), без сомнения, можно использовать как иллюстрацию к истории французской литературы XIX века. «Кажущуюся дробностью», эту исконную черту французского стиля, которую обсуждают, оттачиваясь от Сент-Бева, в языке поярче выразить трудно. Действительно, здесь целое море деталей: зажигательных обрывков, пейзажных испанских кусочков, ароматов, танцев, песен, всплесков страстей и ожидания. Но все же Дебюсси обобщил их как большой художник, а не рисовальщик, а попав на пультах к такому оркестру, «Иберил» стала истинно симфоническим сочинением, утонув в стихии, естественной для коллектива. То же произошло и с «Благородными и сентиментальными вальсами» Равеля и «Гробницей» Куперена. Чутью несовременная (думаю, исполнительски нарочито), как бы покрытая старым лаком, эта сюита промелькнула как интермеццо между музыкой, полной жизни и самовыражения (окончилась она прелестным «Ригодоном» с чудесными духовыми соло, достойными «брависсимо»).

Наконец, финальная вещь (Руссель, «Вакх и Ариадна», вторая сюита из музыки балета) была просчитана четко. Здесь ушли детали, началась музыка пластов, сложившаяся благодаря местным кульминациям в горную цепь, увенчанную финалом, — Эльбрусом. Оркестр ослепил и покори. При таком накале звучание осталось стопроцентно благородным, никакого режущего массивного фортиссимо, никакого пережима, гула. Красота и удовольствие жизни, яркий свет наполнили этот «уголок Франции», найденный на картах с патилинейной бумагой.

И. КОСМИНСКАЯ.

Музыка. - 1995 - 29 апр. - с. 9.